

В. Л. Кляус (Москва)

**ПРИТЧИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЛИТВЫ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЫТОВАНИЯ
(ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ ФИКСАЦИЙ)**

В советский период, готовя публикации фольклора, записанного от старообрядцев, по идеологическим причинам было не принято говорить о конфессиональной принадлежности исполнителей. При этом, как показывают материалы, именно старообрядцы в силу особенностей их культуры явились хранителями традиций бытования многих жанров русского фольклора. От них записаны наиболее интересные образцы эпической поэзии, духовных стихов, сказок, лирических песен.

Не исключением является жанр притч – произведения, которые достаточно редко записывались отечественными фольклористами. В настоящем сообщении речь пойдет не о притчах вообще, а об одной записи, сделанной мной в г. Швянчёнис в Литве.

Предварительно мне бы хотелось заметить, что для российской фольклористики основным методом собирания материала является опрос, когда исследователи, приезжая в какой-либо отдаленный край, опрашивают носителей традиций, как правило, по специально отработанным программам и вопросам.

Данная методика позволяет в короткий срок пребывания в поле собрать большое количество фольклорных текстов. Но у нее есть существенный недостаток – мы можем только догадываться или опять же реконструировать на основе опроса, как те или иные произведения исполнялись (пелись, рассказывались) что называется в «естественных» условиях, без участия, без вопросов и подсказок собирателя.

Для изучения «естественного» бытования фольклора, раскрывающего не только его функциональный, прагматический уровни, но и специфику текстообразования, наиболее приемлем метод «включенного наблюдения». К сожа-

лению, как правило, исследователи не имеют возможности долгое время проживать рядом с носителями фольклорных традиций. И лишь в некоторых случаях во время кратких экспедиционных поездок мы можем наблюдать за «естественным» бытованием и исполнением фольклорных текстов. Для ряда жанров, в частности, притч это имеет принципиальное значение.

В 2003 г., когда я приехал во второй раз в г. Швянчёнис, старообрядческая община этого небольшого городка находилась в сложной ситуации. Дело в том, что за год до этого ушел из жизни всеми уважаемый наставник общины. Его место хотел занять и в определенном смысле занял, совершая службы, другой старообрядец городка. Но по ряду причин биографического характера он не мог стать наставником. Община раскололась. Одни хотели видеть его своим духовным отцом и просили на то благословение у Вильнюсского Совета, другие требовали отказать ему в этом благословении, не прощая своему единоверцу прегрешения молодости. Вильнюсский Совет старообрядцев-поморцев Литвы склонялся к последнему решению. И в Швянчёнисе я случайно оказался во время одного из узловых моментов противостояния. Именно в то воскресенье, когда я приехал в город, все, точнее, все наиболее уважаемые члены общины собрались на службу, которую проводил приглашенный молодой, предположительно в будущем новый наставник, присланный Вильнюсским Советом. Такого количества швянчёнских старообрядцев в их часовне я никогда не видел – почти 100 человек: около 60 женщин и 40 мужчин (подсчет я сделал специально). При этом ни одного подростка (кроме певших на клиросе) или ребенка. После окончания службы и выступлений нескольких людей, почти как на митинге, по поводу того, что община уже год не имеет благословленного наставника по сложившимся правилам у старообрядцев Литвы, народ стал расходиться, а я, пользуясь благоприятной ситуацией для знакомства, начал выбирать более чем из десятка почтенных стариков того, кто мог бы быть хорошим рассказчиком, исполнителем фольклорных произведений. Выбор мой остановился на невысокого роста, сухощавом, с

небольшой бородкой старике, беседовавшем со своими единоверцами, как мне показалось, с лукавой, но доброй усмешкой. При взгляде на него в моей памяти всплыл образ деда Щукаря из «Поднятой целины» М. Шолохова. Пожалуй это и определило мой выбор. Так я познакомился с Феопентом Афанасьевичем Елькиным, 1922 г.р. (родился в Иргелишках). Надо сказать, что в часовне после службы и собрания я разговаривал со швянчёнским претендентом на пост наставника (мы с ним познакомились в мой предыдущий приезд), и это разговор не остался без внимания Феопента Афанасьевича. Видимо поэтому, когда я нагнал его по дороге домой, он стал разговаривать со мной дружелюбно, как с близким к нему по вере. Домой он шел с внуком, певчим, о котором Феопент Афанасьевич говорил с гордостью. На мой вопрос – кто учил внука петь? Он ответил, что его супруга, бабушка. Это укрепило меня в мысли о том, что Феопент Афанасьевич сможет мне рассказать много интересного. Когда же от него я услышал, что и сказок много знает, причем особых, эротического содержания, я понял, что удача улыбнулась мне и предвкушал многие часы плодотворной работы. По пути к дому Феопент Афанасьевич лишь один раз спросил у меня, куда я иду? На ответ – к вам – он сказал – ну пошли. Я воспринял это как добрый знак и готовность дедушки рассказать мне все, о чем я ни спрошу.

Придя домой, Феопент Афанасьевич сначала пошел кормить единственного в хозяйстве поросенка, а затем стал энергично готовить обед – себе и мне. При этом на любые мои вопросы, просьбы рассказать те или иные фольклорные произведения, он говорил, что ничего не знает или «погоди», а по поводу своих эротических сказок вообще сказал, что дескать мне еще рано их слушать. Но вот на мой очередной вопрос о чудесах, о явлениях Иисуса Христа, Богородицы, уже заканчивая накрывать на стол, он вдруг рассказал следующее:

– Шли двенадцать апостолов со своим... А кушать хочется.

– Кто шёл?

– *Исус Христос со своими апостолами, с учениками. И вот идёт он, кушать захотели, а ну..., пусто, пусто – леса и леса, а хат нет нигде и деревни, такой деревни. Домик стоит старенький такой. Вот они подошли к нему. Вот тут может что-нибудь покушаем. Заходит, старуха такая, стоит на костылях, трясётся. – «Бабушка, может покушать что-нибудь у тебя что найдём?» – «А что ты сынок?» Она ж не знала, что Исус Христос. – «А что ты у меня найдёшь? Вот хлеба коринка, – ну, понимаешь, вот кусочек хлеба, – и маленький поросёнок. А на двенадцать человек, что вам тут есть?» – «Хватит, бабушка! Не только мы наедемся, но и тебе останется». Вот она зарезали этого поросёнка, осмалили. Это хлеба кусочек отрезали. Но и как Господь дал, потому наелися, ещё ей осталось, так и я то самое: тебя накормлю и мне останется. Вот. Ну, садися.*

Во время еды Феопент Афанасьевич сразу дал понять, что ни о чем говорить не будет. Для меня это выглядело следующим образом: дедушка разговорился, сейчас поедим, а там уж он мне обо всем и поведаёт. Любопытная деталь: когда мы сидели за столом, зашла бабушка, супруга Феопента Афанасьевича. Она строго, недовольно посмотрела на меня и, не сказав ни слова, вышла. Вернувшись через некоторое время, она открыла холодильник и со словами к деду – почему сосиски не достал? – поставила тарелку с ними нам на стол.

Обед закончился. Я снова включил диктофон, открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но вдруг услышал:

– *Поел?*

– *Да, – ответил я.*

– *Ну, теперь иди.*

В этой последней фразе Феопента Афанасьевича, в ее интонации было столько уверенности в том, что он сделал все, что ему должно было сделать для меня. Стало понятно – наша встреча закончена. Я был буквально ошарашен, но мне ничего не оставалось делать, как, поблагодарив Феопента Афанасьевича, уйти.

Первоначально у меня было ощущение неудачи. Прозвучавшему рассказу о Иисусе Христе и апостолах, практически единственному, который я услышал от Феопента Афанасьевича в течении более чем одного часа нашего общения, я первоначально не придавал особого внимания. Лишь много позднее, анализируя эту встречу и расшифровав текст, я понял его смысл и значение.

Собственного говоря, сам рассказ Феопента Афанасьевича построен на евангельском мотиве о том, как Иисус Христос малым количеством хлеба и рыбы накормил большое число людей. Но этот мотив чуда в его повествовании приобретает интересную интерпретацию, вплетаясь в притчевый сюжет о странствующем Иисусе Христе или святом, которого, не узнавая, принимает бедный человек.

На мой взгляд, причиной, побудившей рассказать эту историю, для Феопента Афанасьевича были не столько мои настойчивые вопросы об Иисусе Христе и святых, сколько наша с ним встреча, то время, которое мы, общаясь друг с другом, прожили, вся ситуация в целом. В определенном смысле эта ситуация и сюжет притчи сопоставимы между собой. Приехав из Москвы, придя в дом к Феопенту Афанасьевичу, я для него был странником, как и Иисус Христос с апостолами, которые пришли к «бедной старухе». В пользу данного сопоставления можно указать на известную мифологему в русской и шире – в славянской – традиционной культуре: странник – Божий человек, которая проявляется во многих народной обрядах и обычаях. Роль Феопента Афанасьевича, конечно же, сопоставима с ролью старухи, которая должна накормить странников. Относительно последнего, между ними есть, что называется, и совершенно «немотивированные совпадения» – и у старухи из притчи, и у Феопента Афанасьевича в хозяйстве было лишь по одному поросенку.

Стремление, желание обязательно накормить меня, странника, объясняется не просто обычным гостеприимством (известно, что в общении с чужими, особенно иноверцами, старообрядцы таковым не отличались). В определенном смысле, чудо, совершенное Иисусом

Христом по отношению к старухе, переносится Феопентом Афанасьевичем на себя, на свою жизнь, почти как магическое действие: *«Но и как Господь дал, потому наелися, ещё ей осталось, так и я то самое: тебя накормлю и мне останется»*.

Совершение благого действия, в данном случае – накормить странника, Божьего человека, должно вознаградиться в будущем, причем не столько в загробной жизни, а сколько здесь и сейчас – способствовать достатку и благополучию в жизни Феопента Афанасьевича.

А накормив меня, что как пример для подражания было предписано в известной ему истории, Феопент Афанасьевич выполнил свой долг. И ничем иным он был мне, страннику, чужому человеку, не обязан: *«Поел? ... Ну, теперь иди»*.

Резюмируя, хочу сказать, что рассказ Феопента Афанасьевича Елькина – это не ответ на мои фольклористические вопросы, а послание, раскрывающее его понимание нашей встречи, во многом структурирующее ее начало, развитие и логическое завершение.